

В. А. КОЛОСОВ

Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы

Мы стали свидетелями радикальных геополитических сдвигов, которые изменят лицо всей цивилизации. Открывают ли эти процессы эру непрерывных потрясений или они приведут к более или менее продолжительному периоду стабильности — новому мировому геополитическому порядку? Если так, то каковы будут господствующие в новом мире силы и основные конфликты? Какие регионы и государства останутся в мировом «ядре»? По-прежнему ли главные события будут происходить в Европе — регионе с самыми молодыми границами, ныне геополитически самом нестабильном? Многое зависит и от того, какие силы победят в России, какую геостратегию она изберет, а следовательно, и от перспектив эволюции геопространства бывшего СССР. Цель настоящей статьи — проследить влияние объективных императивов географического положения, особенностей развития российской культуры на геополитические концепции страны и решение стоящих перед ней геополитических проблем, а также показать структуру геополитического пространства бывшего Союза и факторы, обуславливающие возможные рекомбинации ее элементов при возникновении новых геополитических общностей и государственно-территориальных образований.

Грядет ли новый мировой геополитический порядок?

Геополитика изучает зависимость внешней и внутренней политики государств и международных отношений от системы политических, военно-стратегических, экономических, экологических и иных взаимосвязей, обусловленных географическим положением страны и ее регионов, другими физико- и экономико-географическими факторами. Ключевым системообразующим отношением в геополитике ранее считалось расстояние в физическом и географическом пространстве. Традиционную геополитику можно рассматривать как науку о влиянии геопространства на политические цели и интересы государства.

Постепенно геополитика перешла к более сложному пониманию геопространства как среды, преобразующей экономические, политические и прочие отношения между государствами. С усложнением территориальной организации общества все большую значимость приобретает анализ стратификации и иерархической структуры геопространства. Иными словами, в геополитике стали учитывать не только поляризацию пространства вокруг центров силы, но и отношения взаимозависимости — сбалансированной и асимметричной. Относительно

Колосов Владимир Александрович — доктор географических наук, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН.

новые темы геополитики — прочность сформировавшихся глобальных и внутрирегиональных связей между странами, соотношение в них экономических, политических, культурных, идеологических компонентов, вовлеченность крупных держав в дела разных регионов. Долгое неприятие термина «геополитика» нашей официальной пропагандой было вызвано некоторой его двусмысленностью: геополитика — это не только научная дисциплина, но и часть идеологической доктрины, имеющейся в явном или неявном виде у любого государства. Эту часть можно также назвать геостратегией — выбором направлений внешнеполитической деятельности.

Геополитическая часть государственной идеологической доктрины — это также объект геополитики как научной дисциплины, поскольку ее геополитическая составляющая — продукт истории культуры страны, эволюции видения политическими лидерами, элитой, общественностью, выдающимися мыслителями ее места в мире, географического и геополитического положения. Геостратегия государства зависит от понимания руководством страны национальных интересов и приоритетов, характера и географического распределения угроз безопасности страны, которые исходят из-за рубежей, а также самого понятия «безопасность». Государственная геостратегия определяется и геополитическими кодами страны (исторически сложившимся характером отношений с ее ближними и дальними соседями) — дружественными, нейтральными, враждебными — в течение достаточно длительного исторического периода, который называют геополитическим порядком. Геополитические коды — результат истории страны, запечатленной в коллективной исторической памяти народа, давнего выбора союзников, конфигурации сознательно созданных и объективно формирующихся зон влияния страны — и мало зависят от внутри- и внешнеполитических событий.

Геополитика как составляющая идеологической доктрины страны и ее геостратегия определяются объективно меняющимся геополитическим положением, императивами территориальной структуры хозяйства и расселения, социального состава жителей разных частей государственной территории и т. п., их восприятием субъектами общественной и политической жизни.

Императивы и следствия геополитического положения

Некоторые особенности геополитического положения России были обрисованы в знаменитой работе одного из самых известных геополитиков XX века Х. Маккиндера «Географический стержень истории» [1], где он изложил концепцию, которую затем пытались интерпретировать, модернизировать, переосмыслить множество видных геополитиков разных стран и народов. Эта концепция подвергалась суровой критике, особенно в советской литературе, но тем не менее ее пересказ остался обязательным в учебниках по политической географии и геополитике. Суть концепции Маккиндера — в выделении «ключевого района» (core area) глобальной геополитической системы, позже названного автором «сердцевинным» (хартлендом). Этот район охватывает огромные континентальные пространства Евразии, границы его приблизительно совпадали с рубежами Российской Империи, а затем СССР.

Маккиндер резонно отмечал, что простираение с юга на север рек хартленда затрудняло его внешние связи, способствовало замкнутости и автономности. Хартленд окружен странами «внешнего полумесяца», европейскими, ближневосточными, а также Китаем и Индией, располагающими хорошим доступом к Мировому океану и строящими свою экономическую, политическую и военную мощь на его использовании. Маккиндер подчеркивал, что европейская цивилизация сформировалась во многом благодаря постоянному риску вооруженных вторжений мобильных масс конницы из степей хартленда. За «внутренним полумесяцем» лежит «внешний», куда входят «чисто» морские державы — Великобритания и Япония, страны и континенты, освоенные и завоеванные западноевропейской

цивилизацией благодаря ее морской мощи,— обе Америки, Африка, Юго-Восточная Азия, Австралия и Океания.

Попытку модифицировать концепцию Маккиндера предприняли такие известные геополитики, как швед Р. Чьеллен, американцы А. Махэн и Дж. Реннер, Н. Спайкмен и С. Коэн. Их теории также основывались на предположении, что в мире существует некий ключевой регион, контроль над которым обеспечит господствующие позиции во всем мире. Различия заключались лишь в определении местоположения этого региона и его конфигурации, что, в свою очередь, зависело от предпочтения какого-либо вида транспорта, позволяющего быстро достигнуть других районов. В отличие от Маккиндера, Спайкмен называл таким ключевым районом полуостровные, приморские окраины Европы, Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, а Реннер — Арктику. Соответственно, авторы этих концепций считали ключевыми транспортными технологиями не железнодорожную (Маккиндер писал об этом в 1904 году), а морскую (Махэн и Спайкмен) и авиационную (Реннер). Однако во всех этих теориях континентальное евразийское ядро оставалось единым целым, какой бы ни была приписываемая ему роль в глобальной геополитической системе. Это свидетельствует о существовании некоторых фундаментальных свойств его геополитического положения.

Ключевые черты такого региона — центральность и труднодоступность к морским коммуникациям. «В мире в целом,— писал Маккиндер,— Россия занимает центральную стратегическую позицию, в Европе поддерживаемую Германией. Она может наносить удары во все стороны; со всех сторон, кроме севера, может получать удары... Любая возможная социальная революция не изменит отношение России к географическим условиям ее существования [1, р. 430]. Это отношение вытекает из извечного и органического стремления обрести выходы к морским побережьям, особенно незамерзающих морей: на севере — к Балтийскому и Баренцеву, на юге — Черному, на востоке — к Великому океану. Это предопределяет давление, оказываемое хартлендом на соседние регионы. В одной из других известных работ Маккиндер писал о том, что доминирующим державам «внутреннего полумесяца» необходимо поддерживать баланс между славянским миром хартленда и Германией, поскольку их объединение может подорвать господство морских стран, а их открытое столкновение, как показал опыт двух мировых войн, чреват опасными последствиями [2].

Среди наиболее неизменных геополитических императивов внешней политики России — ее *положение на стыке разных культурных миров*: мира земледельческого и мира кочевников, миров европейского и азиатского, христианского и мусульманского, католического и православного. Перед российскими властями извечно стояла проблема такого выбора союзников, который бы позволил выжить, сохранив свою самобытность. Так, по мнению ряда историков, в суровую пору татаро-монгольского нашествия восточные княжества, составившие будущую Россию, сознательно предпочитали быть под Ордой, нежели заключить союз с Западом, что позволило сохранить православную религию как основу национального самосознания.

Положение «на стыке» предопределило формирование характерной для российских властей психологии окруженности, заставлявшей их строить любой ценой систему обороны «по всем азимутам». Надо признать, что история дала немало оснований для такой интерпретации геополитического положения России; другой вопрос, что эти ситуации создавались во многом из-за внешней политики самой России. Это и период перед Первой мировой войной, и противостояние СССР Германии и возглавляемой ею коалиции перед Второй мировой войной, и создание западными странами цепи военных баз вдоль границ СССР как важнейшего элемента стратегии сдерживания.

«Психология окруженности» породила во внешней политике России «стратегию концентрических кругов» по принципу «враг моего врага — мой друг»: попытку построить особые отношения с Францией как противовес отношениям с Германией, а позже — с западными странами в целом; постоянное акцентирование отношений СССР с Индией, усилившееся после резкого ухудшения

отношений с Китаем в 1960-х годах, и т. д. В этом можно найти определенное сходство с традиционной геостратегией Франции, в которой также немалое место занимала политика «концентрических кругов» [3].

Другие очевидные особенности геополитического положения России — *ее континентальность, гигантские размеры территории и трансокеаничность*, что уже само по себе предопределяло масштабы ее геополитических интересов. Исторически Россия родилась «на пути из варяг в греки» и поэтому была жизненно заинтересована в прямом или косвенном контроле выходов в бассейны Балтийского и Черного морей. По сути, вся история внешней политики Московии—России после падения Киевской Руси под ударами монголо-татар и до конца XVIII века представляла собой решение стратегической геополитической задачи — обретения выходов к морю. После потери в XII веке юго-западного побережья Балтики России потребовалось более 500 лет почти непрерывной борьбы, чтобы вновь выйти к морю (это стало возможным лишь после заключения Петром I Ништадтского мира в 1709 году). Еще больше времени понадобилось России, чтобы стать черноморской державой: выхода к Черноморскому побережью Россия добилась лишь в конце XVIII века при Екатерине II.

Еще одна важная черта геополитического положения — *крайняя затрудненность доступа к открытому океану* — изначально превращала Россию в державу прежде всего сухопутную. У нее были и есть лишь две «форточки» в Мировой океан — Мурманск, относительно поздно (в 30-е годы) связанный железной дорогой с «материковой Россией», и чрезвычайно удаленный, по сути островной, Петропавловск-Камчатский, расположенный на берегу уникальной из-за своего стратегического положения и удобства Авачинской губы. Поэтому царская Россия предпринимала большие дипломатические и военные усилия для приобретения контроля над черноморскими проливами.

СССР, претендуя на роль сверхдержавы, создал мощный военно-морской флот, позволивший обеспечить военное присутствие вдали от берегов — с конца 60-х годов в Средиземном море, с 70-х — в Индийском океане подводный флот осуществлял постоянное боевое патрулирование. Это потребовало создания баз снабжения в зарубежных государствах — во Вьетнаме и в Южном Йемене, в Сомали и позже в Эфиопии, в Алжире и на Кубе. Для поддержания этих баз, в свою очередь, требовалось обеспечить стабильность режимов в соответствующих странах. Таким образом, СССР оказывался все больше втянутым в глобальную геополитическую игру, подчиняясь логике знаменитой «теории домино»: для безопасности своих клиентов нужно было заниматься ситуацией в соседних с ними странах и т. д. Нечего и говорить, что эта непосильная игра истощала ресурсы страны и в конечном счете усилила ее континентальную изоляцию.

«Психология окруженности» легла в основу «доктрины Брежнева» — стремления советского руководства любой ценой, не останавливаясь перед прямым вооруженным вмешательством, обеспечить в соседних странах контролируемые и идеологически «совместимые» режимы. В результате к 1985 году вокруг СССР было создано три геополитических оболочки. Первая, несплошная, наиболее нестабильная, охватывала удаленные социалистические страны — Кубу и Вьетнам, а также в определенной мере КНДР, которые получали экономическую и военную помощь. К этой же группе стран можно условно отнести Финляндию и Югославию, формально не входившие в возглавлявшиеся СССР организации, но экономически тесно с ним связанные. Вторая геополитическая оболочка включала социалистические страны Европы и Монголию. Третья, внутренняя, составлявшая уже плоть от плоти СССР,— бывшие союзные республики. Первой, лишившись экономической подпитки по мере усиления экономического кризиса и политических изменений в СССР, уже в первые годы перестройки исчезла внешняя геополитическая оболочка, затем в результате серии «бархатных революций» в Восточной Европе рухнула вторая оболочка, а в 1991 году в результате распада СССР настала очередь и внутренней оболочки. Цепь бывших автономий вдоль границ и их узлы внутри России можно рассматривать как еще одну геополитиче-

скую оболочку, в случае распада которой территория собственно России имела бы чрезвычайно сложную и «нефункциональную» конфигурацию и лишилась бы важных коммуникаций [4].

Традиционные российские геополитические концепции

Традиционные геополитические концепции России основывались на акцентировании значения и идеализации определенных этапов ее истории, соответствующих изменений границ и культурного пространства: домонгольской Руси, Московского государства до Петра I и послепетровской России как огромного европейско-азиатского геополитического комплекса.

С образом Киевской Руси как общего исторического предка трех восточнославянских народов тесно связана идея их нового объединения, наиболее четко изложенная А. Солженицыным в его брошюре «Как нам обустроить Россию».

Видение России как неразрывной части Европы основывается также на исключительно важной роли столиц — местах концентрации европеизированной элиты и высокой культуры — сначала Петербурга, «искусственной» столицы, главного морского порта, «окна в Европу», расположенного к тому же в зоне господства оброчных отношений недалеко от границы зоны, никогда не знавшей крепостного права, а затем Москвы, в советское время практически монополизировавшей внешние контакты. Две российские столицы, а также (хотя и в меньшей мере) некоторые другие крупные города и порты (например, Одесса) пользовались определенными привилегиями, что вызывало резкий протест провинции, спешившей подтвердить свою верность традиционным ценностям.

Европейское видение России основывается также на желании части населения (впрочем, резко сократившейся в последние годы) как можно скорее, любой ценой вернуться в лоно мировой (то бишь западной) цивилизации, освободившись от бремени субсидий слаборазвитой азиатской периферии, переделать страну на западный манер, превратив ее в более или менее мононациональное государство (nation-state).

Но Россия никогда не была однонациональным государством; пропаганда национального эгоизма наталкивается здесь на вековую государственную идею — готовность многим пожертвовать во имя исторического дела объединения российских земель, специфическую ментальность, в которой большое место принадлежит сильному и обширному государству как особой ценности. Эта ментальность — гораздо более прочная основа единства российских территорий, чем примитивный национализм и тем более принуждение, сила оружия.

Сторонники видения России как наследницы Московского государства настаивают, что геополитическое положение России нельзя понять без признания ее особой цивилизацией, корни которой в коллективной эсхатологии, в идее избранного народа и в мессианизме. Как известно, русский коллективизм основывался на традициях крестьянского мира (границы зоны, в которых были распространены эти традиции, весьма четко соответствуют границам собственно России) и ценностях православия.

Православие в течение многих столетий было краеугольным камнем традиционного российского геополитического видения мира. Концепция России как Третьего Рима родилась в XVI веке и основывалась на православном мессианизме, на уникальной роли страны как единственной в мире православной державы, надежды и опоры всех православных народов. Действительно, после 1453 года, когда пали Константинополь и Византия, и до 1480 года — окончательного освобождения России от татаро-монгольской зависимости, в мире не было ни одной православной страны. Россия единственная в течение трех веков считала своим долгом отстаивать независимость и интересы православных во всем мире.

Взгляд на Россию как на наследницу Московского государства зиждется также на исторической памяти о борьбе русских княжеств одновременно против «варварского» Востока и «просвещенного» Запада, в которой им приходилось рассчитывать лишь на свои собственные силы. В культуре и искусстве это образ бескрайней, лесистой,

суровой, заснеженной, но и обладающей природными богатствами, способной обеспечить себя всем необходимым страны, историческая ось которой проходит по Волге — гораздо восточнее, чем Днепр — ось Киевской Руси [5].

Очевидно, эти взгляды имеют глубокие корни — в частности, в извечной дискуссии между западниками и славянофилами. Последние обвиняли Петра I в том, что его реформы нарушили нормальный эволюционный ход развития России и были чужды русскому национальному характеру. Эта дискуссия — явление, специфичное не только для России, но и для стран мировой полупериферии (например, Турции, Египта).

Другую точку зрения на геополитическое положение России представляют евразийские концепции, согласно которым Россия — уникальный геополитический комплекс, образовавшийся на основе русской культуры, глубоко проникшей в пустынные просторы Евразии в процессе их освоения русскими переселенцами. Россия имеет исторические обязательства перед этими землями и служит движущей силой их исторического прогресса. Из-за крайне слабой заселенности евразийских пространств экспансия русских на Восток привела не к интеграции или ассимиляции культур, а, скорее, к их сосуществованию в виде взаимозависимых островков. Таким образом, европейский и азиатский фасады России неразделимы.

Более того, евразийцы считали, что восточные корни ближе России, чем европейские, из чего, по их мнению, проистекала большая важность восточного направления во внешней политике. В то же время основные авторы, группировавшиеся вокруг журнала «Евразия» (Г. Вернадский, Н. Трубецкой, Л. Карсавин и др.), различали ориентации геополитические и культурные (православный мир). Они писали о противоречивости и ограниченности западных традиций парламентаризма, об иллюзиях прогресса и утверждали, что Октябрьская революция была не трагической случайностью, а неизбежным результатом исторического развития России. Они пытались связать восточное влияние и циклы в эволюции Российского государства. Когда благоприятное влияние Востока было сильным, то, по их мнению, и Российское государство было сильным, собирало вокруг себя новые земли. Наоборот, усиление западного влияния приводило к кризисам и распаду (как, например, в эпоху Петра I) [6].

Евразийский образ России — не национальный, а чисто геополитический. Общее между «московским» и евразийским видением: Россия — не европейская и не азиатская держава, а особый мир. Этот образ получил широкое распространение и множество интерпретаций. В соответствии с одним из наиболее употребительных штампов Россия — мост между Европой и Азией. Однако если это и справедливо, то давно уже только в отношении бывших среднеазиатских республик, ибо наиболее развитые азиатские страны не нуждаются ни в каких посредниках в общении с остальным миром, а азиатские фундаменталисты, противопоставляющие «богатых» и «бедных», имели множество оснований разочароваться в попытках опереться на СССР и тем более на нынешнюю Россию.

Историческое наследие и современные геополитические вызовы

После распада СССР споры между западниками и славянофилами разгорелись с новой силой и приобрели вполне практическое звучание. При формировании геостратегии России возникли альтернативы, которые стали предметом острой политической борьбы.

1. Точка зрения на *место России в современном мире*, кто она — по-прежнему сверхдержава или же не более чем одна из региональных держав и, следовательно, должна тщательно определить и ограничить сферу своих интересов, безусловно уйдя из отдаленных регионов.

2. Определение соотношения между *источниками угроз безопасности* страны внутри нее, в бывших советских республиках, в дальнем зарубежье.

3. Точка зрения на *перспективы отношений с бывшими союзными республиками*: добиваться любой ценой восстановления Союза, пусть и в иных формах; считать связи с государствами СНГ приоритетным направлением внешней политики, добиваясь его укрепления; перенести акцент во внешних связях на дальнее зарубежье.

4. Отношение к проблемам *русского и русскоязычного населения* в бывших союзных республиках.

5. Стратегический выбор, диктующий *отношение России к острым международным проблемам*: выработать новые геополитические коды, не связанные с наследием СССР и дореволюционной России и соответствующие новой оценке ее места в мире как державы регионального ранга; следуя складывающимся нормам международного права, поддерживать политику международного сообщества, определяемую странами мирового «ядра», или же руководствоваться своей собственной, отличной от него линией, что подобает России как мировой державе.

6. Отношение России к *конфликтам в бывшей Югославии и, шире, на Балканах и в славянском мире в целом*.

7. Отношение к проблеме Курильских островов и другим актуализированным и потенциальным территориальным претензиям к России.

Очевидно, эти альтернативы достаточно четко определяют положение России на оси «западный либерализм — традиционализм (фундаментализм)/этатизм». Вес России несмотря на кризис достаточно велик, чтобы ее смещение вдоль этой оси повлекло за собой важные геополитические сдвиги в каждом из полюсов, т. е. на Западе и, условно говоря, на Востоке. Мобилизация Запада перед лицом ощущавшейся им угрозы со стороны СССР и почти неуклонное продвижение западных стран по пути все большей координации и интеграции, прежде всего в военно-стратегической области, остались в прошлом. Велик шанс актуализации старых и появления новых противоречий внутри стран мирового «ядра». В то же время позиции фундаменталистского Востока намного усиливала поддержка его «антиимпериалистической» линии советским блоком.

Как видно из практических шагов российского правительства, сделан вывод о том, что Россия отныне — региональная держава и должна решительно отказаться от дорогостоящих заокеанских амбиций, что главная цель российской геостратегии заключается в обеспечении благоприятных международных условий для проведения реформ и создания открытой рыночной экономики западноевропейского типа. Так, яркие свидетельства свертывания Россией своего участия в делах дальнего зарубежья — закрытие ряда представительств в африканских странах и резкое сокращение персонала в оставшихся, закрытие в 1992 году Службой внешней разведки (СВР) 30 разведпунктов, прекращение ею операции в большей части стран Африки и Юго-Восточной Азии [7]. В то же время политики на разных уровнях российского руководства отдают дань риторике о сохранении исторической роли России как великой державы. Главные угрозы безопасности России усматриваются внутри нее и в республиках бывшего СССР.

Вовне выделяются два главных геостратегических направления — американское и западноевропейское. По сути, в этом российская геостратегия при А. Козыреве — продолжение политики союзного МИДа при Э. Шеварднадзе. В таблице представлены данные о географическом распределении визитов государственных деятелей — глав государств, премьер-министров, председателей парламентов и парламентских делегаций в СССР (Россию) и из СССР (России).

Эти даты выбраны не случайно: 1973 год — начало разрядки; 1980-й — год после советского вторжения в Афганистан, начало нового, весьма ожесточенного витка «холодной войны»; 1991-й — последний год существования СССР, когда «перестройка» внешней политики в духе Горбачева—Яковлева—Шеварднадзе дала свои плоды. Разумеется, политические контакты на высшем уровне — далеко не единственное измерение внешних связей страны. Однако ввиду их глубокой идеологизированности в советские годы именно этот аспект внешних контактов представляется наиболее репрезентативным.

Распределение визитов государственных деятелей и делегаций по регионам мира (в %)						%
Регионы	1973 г.	1980 г.	1989 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.
Вывшие европейские социалистические страны	26,0	36,4	6,9	9,6	14,6	11,3
Прочие европейские страны	22,0	13,2	36,5	34,8	28,1	29,6
США	4,3	0,4	4,6	11,7	15,7	16,5 ■

Как видно из таблицы, по мере уменьшения экономической и военной помощи, оказываемой ряду развивающихся стран по политическим мотивам и на неэкономической основе, и нарастания кризисных явлений в хозяйстве произошло резкое сокращение сферы политических контактов страны. Кроме того, бросается в глаза переориентация со стран Восточной Европы, входивших во вторую внешнюю геополитическую оболочку, на Западную Европу и США. Западная Европа заняла главное место во внешнеполитических контактах бывшего Союза, а затем и России.

В дальнем зарубежье был взят курс на максимальное сближение с промышленно развитыми странами Запада. Различие заключалось лишь в выборе конкретного направления: одна группа политических деятелей и экспертов считала наиболее приоритетными отношения с США, другая, наоборот, упрекала МИД в пренебрежении связями с западноевропейскими соседями. В любом случае отношения с одним из этих полюсов мирового «ядра» рассматривались как противоречивые и определенный амортизатор для отношений с другим. И та и другая точки зрения подвергались резкой критике за провал политики на всем азиатском и дальневосточном направлениях — от азиатских стран СНГ до ранее традиционно приоритетных связей с Индией и контактов с новыми индустриальными странами.

В 1994 году стало ясно, что европейская ориентация потерпела фиаско. Запад игнорирует российские демарши против принятия в НАТО восточноевропейских стран, которые еще сильнее возжелали попасть под крыло этой организации после начала войны в Чечне. Надежды на создание в ОБСЕ, единственной действительно общеевропейской организации, некоего наднационального органа, в котором Россия могла бы иметь существенное влияние, которые одно время питал российский МИД, были единодушно отвергнуты. НАТО и Европейский Союз практически неприкрыто пользуются в отношениях с Россией «двойными стандартами», прием ее в Европейский Совет долго откладывался. Западные страны и их организации активно пытаются укрепить свои позиции в странах СНГ и вытеснить Россию (особенно на Украине, в Белоруссии и Закавказье), в том числе путем реализации крупных инфраструктурных проектов. В Европе, как и вообще на Западе, после победы В. Жириновского на выборах 1993 года и коммунистов — в 1995 году, катаклизмов войны в Чечне и кадровых перестановок, осуществленных Президентом РФ после последних выборов в Государственную Думу, усилились настроения, которые можно определить как презумпция виновности Россия. Она нередко рассматривается как несправимо империалистическое государство, несущее угрозу стабильности в Европе.

В то же время Россия нередко откровенно упускает инициативу в отношении со своими ближайшими соседями, особенно с Украиной и Белоруссией. Центробежные тенденции, которые достаточно продолжительное время будут господствовать в геопространстве бывшего Союза, толкают новые восточно- и центральноевропейские государства, возникшие на месте СССР (к последним на Западе относят балтийские страны из-за их тесной исторической связи с германской культурой), к попыткам интеграции в возможные центральноевропейские геополитические конструкции.

Украинские власти не раз декларировали свой интерес к созданию экономического союза со странами вышеградской четверки — Польшей, Чешской Республикой, Словакией и Венгрией, первыми среди бывших социалистических

стран кандидатами на вступление в Европейский Союз. Поскольку эти страны (кроме, может быть, Польши, у которой с Германией особые отношения) неизбежно окажутся в орбите германского экономического влияния, такой ход событий повлечет и сближение Украины с Германией.

Для новых государств Центральной и Восточной Европы интеграция в потенциальную центральноевропейскую геополитическую суперструктуру пред- ставит наиболее удобную возможность подчеркнуть свой суверенитет и ослабить экономическую зависимость от России. Для России это усилит опасность оказаться в новой изоляции, быть оттесненной из европейских структур. Для стран мирового «ядра», прежде всего западноевропейских, это будет означать риск нового раскола в результате все большей «автономизации» Германии и блока, который она может возглавить, а, кроме того, риск иметь дело с Россией, ощутившей себя частью фундаменталистского Востока и вновь противопоставляющую себя Западу.

Таким образом, один из принципиальных вопросов в европейской повестке дня — усилить гибкость общеевропейских институтов, чтобы избежать геополитически опасной изоляции России и других государств Восточной и Центральной Европы. Политическая стабильность как стратегическая цель не может быть достигнута без создания политико-институциональной инфраструктуры, способной своевременно и оперативно реагировать на опасные конфликты в геопространстве не только собственно Европы, но и бывшего СССР, которые могли бы нарушить политико-территориальную организацию в обширных регионах. Очевидная, хотя и открыто не заявляемая перспективная цель этих институтов — обеспечение интересов мирового «ядра» в данных регионах. Для предпосылок создания такой международно-правовой инфра- структуры бывшие советские республики Средней Азии были приняты в ОБСЕ.

Если Россия в понимании отечественных демократов — европейская страна, то каково ее место в сохраняющейся и, по всей видимости, ужесточающейся (хотя и в новых формах) мировой иерархии? Конечно, она не принадлежит к мировому «ядру», и часть российской интеллигенции в очередном приступе мазохизма в связи с глубоким кризисом, охватившем общество, поспешила включить ее в «третий мир». Сложилась своего рода концепция России как «Верхней Вольты с ракетами». Нам представляется, что прав А. Панарин, писавший, что Россия — не слаборазвитая, а «заблудшая» страна, в которой были выбраны ложные ориентиры развития, приведшие к перекосам в экономической структуре [8]. Это страна особого типа, ныне принадлежащая к мировой полупериферии и находящаяся в процессе бурной трансформации. Как и всякая полупериферийная страна, она может подняться до уровня «ядра» или вплотную приблизиться к нему, но может и деградировать [9].

Включение России в «третий мир» объективно противопоставляет ее богатому Западу, способствуя традиционализму и фундаментализму, толкает ее к новой изоляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mackinder H. The Geographical Pivot of History//Geographical Journal. 1904. Vol. 23. P. 421—437.*
2. *Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A study in the Politics of Reconstruction. L., 1919.*
3. *Claval P. Geopolitique et geostrategie. P., 1994.*
4. *Колосов В. А., Трейвиш А. И. Новое геополитическое положение России. М., 1992.*
5. *Kristof L. K. D. The Russian Image of Russia. An Applied Study in Geopolitical Methodoiogy//Essays in Political Geography. L., 1968. P. 345—387.*
6. *Цымбурский В. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5.*
7. *Известия. 1992. 12 декабря.*
8. *Панарин А. С. Цивилизационный процесс в России: опыт поражений и уроки назавтра//Знамя. 1992. № 7. С. 195—210.*
9. *Cohen S. B. Global Geopolitical Changes in the Post-Cold War Era//Annals of the Association of American Geographers. 1991. Vol. 81. № 4. P. 551—580.*

© В. Колосов, 1996